
Подростковый кризис

Когда начинается и когда заканчивается подростковый кризис?

В среднем (для климатической зоны Северной Европы и северо-запада России): 11-16 лет — у девочек и 12-18 лет — у мальчиков. Но на практике все происходит сугубо индивидуально. В качестве пикантности: подростку Достоевского из одноименного романа — двадцать один год. Не слабо, как говорят сами подростки, не правда ли?

В целом, у девочек подростковый кризис протекает в более мягкой форме, наступает раньше и кончается быстрее, чем у мальчиков. Может быть, это связано с тем, что требования к самоопределению юношей и мужчин в нашем обществе традиционно жестче, чем аналогичные позиции для девушек и женщин.

И все же начало и конец подросткового кризиса — дело сугубо индивидуальное, и любые точные предсказания в этом вопросе неизбежно будут носить характер спекуляции.

Цели и задачи подросткового кризиса

Принято считать, что основной целью подросткового кризиса является самоутверждение подростка, отстаивание себя как полноценной личности. Отчасти это, разумеется, именно так и есть. Социальная, интеллектуальная и биологическая зрелость человека в нашем сегодняшнем обществе разнесены во времени, то есть наступают не одновременно. И стало быть, какую-то из этих «зрелостей» и отстаивает наш подросток. Но какую?

Понятно, что о **биологической зрелости** 11-летней девочки или 13-летнего мальчика не может быть и речи. Несмотря на грустный факт появления в нашей стране прослойки детей, образование которых заканчивается после пятого-шестого класса, основная масса юношества в этом возрасте все еще продолжает плодотворно (или не очень) учиться в школе. Следовательно, насильственное или добровольное, но **интеллектуальное** развитие тоже еще на полпути. **Социальная зрелость** наступает в нашей стране чуть ли не позже, чем в большинстве развитых стран. Тридцатилетний мужчина, имеющий собственную семью, которому регулярно помогают старички-родители, — отнюдь не нонсенс как в Советском Союзе, так и в сегодняшней России. В последние годы, в связи с общей «американизацией» сознания и самой жизни, вроде бы наметилась тенденция к более раннему обособлению молодых людей от родительской семьи. Но пока это только тенденция.

Так какую же зрелость наш подросток отстаивает? Воображаемую, как считает большинство «пострадавших» от подросткового кризиса родителей? Или мы что-то упустили из виду?

Разумеется, упустили! За звучными терминами мы не заметили главного — самого человека. Однозначно незрелого по всем вышеописанным (и многим другим) позициям, но также однозначно существующего в нашем пространственно-временном континууме.

Когда ребенок рождается, первые минуты своей жизни он связан с матерью пуповиной — материальной биологической структурой, по которой к нему на протяжении всей внутриутробной жизни поступали необходимые для этой самой жизни вещества. Потом пуповину обрезают, но связь ребенка с матерью все еще во многом физична — кормление грудью, [тесный физический контакт](#). Известно, что младенцы, лишенные тесного физического контакта со взрослым человеком в первые месяцы жизни, часто погибают, даже если кормление и гигиенический уход за ними близки к идеальным показателям.

Когда ребенок начинает ходить, первое время он предпочитает передвигаться, держась за материнский подол или палец. В дальнейшем (2—3 года) ребенок очень нервничает и пугается, когда мама или папа куда-то уходят, оставляя его одного или с малознакомыми людьми.

Постепенно, однако, сфера самостоятельных действий ребенка расширяется. Он сам играет в песочнице, посещает детский сад, бегает с другими ребятами во дворе. Но обиженный сверстниками, разбив коленку, он все равно идет к маме или папе за защитой, жалостью и лаской. Иногда (с годами все реже) он приходит просто так, залезает на колени («*Не стыдно тебе, такой большой!*»), или просто прижимается к маминому боку, испытывая потребность в «подзарядке» все той же биологической по сути общностью, без которой

не могут выжить младенцы.

С поступлением в школу сфера социальных контактов ребенка стремительно расширяется. Появляются первые настоящие друзья «до гроба», первые недруги. Альтруизм и предательство, верность и честь — все это теперь существует вне дома, в сфере социальной жизни ребенка. Делится ли он дома своими победами и поражениями, находками и потерями — это зависит исключительно от поведения родителей, от их собственной нравственной позиции и от искренности их заинтересованности в том, чтобы ребенок не просто «не дрался», «не хулиганил», «дружил только с приличными детьми», а именно учился общаться, вести за собой и подчиняться другим, побеждать и терпеть поражение, находить выход в трудных, запутанных, и не всегда понятных взрослым ситуациях взаимоотношений детского социума. В это время (5—6 класс) наша воображаемая связь-резинка между ребенком и родителями растягивается до максимума. Дальнейшее ее растяжение становится болезненным для одной или для обеих сторон.

И тут-то как раз и наступает подростковый возраст. И его целью и задачей становится обрыв этой самой когда-то жизненно необходимой, а теперь сковывающей дальнейшее развитие связи.

— *Я больше не ваш придаток!* — заявляет подросток. — *Я самостоятельный человек.*

Он передергивает, блефует, и на любой вопрос в лоб («В чем это ты такой самостоятельный?!») у него нет вразумительного ответа. Есть только чувство дискомфорта от перерастянутой «резинки». Если у родителей в момент самых первых заявлений хватает ума и смелости самим перерезать эту связь («Хорошо, ты самостоятельный человек, живущий рядом с нами. Ты можешь сам принимать те решения, которые тебе по силам. Если ты с чем-то не справишься, мы поможем тебе, но уже не как суверен вассалу, а как твои самые близкие друзья»), то ребенок-подросток, как правило, пугается внезапно открывшейся перспективы самому отвечать за все, и одновременно благодарен родителям за доверие, проявленное к его личностным силам. В этом случае условное расстояние между ним и родителями может стать даже меньше, чем было «до обрезания».

Если же (что бывает гораздо чаще) родители боятся перерезать эту морально и физически «устаревшую» связь, с тем чтобы заменить ее на новую («*Это же все только слова, он же на самом деле еще глупый! Ничего не понимает! Жизни не знает!*»), то ножницы берет сам подросток (иногда в ход идут копи и зубы), и вот именно тогда мы и имеем дело не просто с подростковым возрастом, но с подростковым кризисом во всей его красе. Если подростку после долгих попыток все же удастся перегрызть охраняемую родителями «резинку», то его по инерции относит так далеко, что на восстановление доверительных и полноценных отношений могут потребоваться годы.

Если же родители оказываются сильнее, и подросток смиряется с дрящимся положением «суверен — вассал», то его личностное развитие неизбежно искажается и надолго сохраняет инфантильные черты. Иногда в этом случае развивается невроз.

Итак, целью и задачей подросткового кризиса является приобретение не самостоятельности (она подростку еще и не нужна, и не по зубам), но личностной автономии, необходимой для дальнейшего развития личности по взрослому типу, то есть, иными словами, для развития умения брать на себя ответственность за все последствия своих взглядов, слов и действий.

Как вести себя родителям?

Во-первых, необходимо внимательно относиться к возрастному развитию своего чада, чтобы не пропустить первые, еще смазанные и неотчетливые признаки наступления подросткового возраста.

Как уже было сказано выше, подростковый возраст наступает у каждого ребенка в свое время и никакие общие правила здесь не могут быть догмой. Я видела десятилетнего мальчика-грузина, который имел отчетливые усики и отчетливый подростковый конфликт с папой, который в свою очередь никак не мог в это поверить и темпераментно объяснял мне, что у него самого никакого подросткового кризиса не было, и вообще в грузинских семьях такие безобразия не встречаются.

Видела я и двадцатичетырехлетнюю молодую женщину, которая пришла ко мне на прием вместе с встревоженной мамой, которая говорила о том, что вот, дочка окончила институт, вышла замуж, но жить

самостоятельно отказывается наотрез, по-прежнему во всем советуется с мамой, и живет как бы ее умом. Когда девочке было 14 лет, маму это необычайно радовало и хотелось сохранить такое состояние отношений подольше. Мама как личность гораздо сильнее дочери, и у нее все получилось. Но с трудом завоеванный результат теперь почему-то радовать перестал.

Во-первых, отнеситесь серьезно к индивидуальным темпам развития вашего ребенка. Не считайте его маленьким, когда он уже начинает ощущать себя подростком. Но и не толкайте в подростковую насильно. Возможно, вашему сыну (или дочке) нужно на год или два больше времени, чем его сверстникам. Ничего страшного в этом нет.

Во-вторых, отнеситесь серьезно ко всем декларациям вашего подростка, какими бы глупыми и незрелыми они вам ми казались.

Обсудите и проанализируйте вместе с сыном (или дочкой) каждый пункт. Добейтесь того, чтобы вы одинаково понимали, что именно значит, например, такая фраза, как: *«Я все могу решать сам!»*. Что именно за ней стоит? Я могу сам решать, какую куртку мне надеть на прогулку? Или я могу сам решать, ночевать ли мне дома? Дистанция, согласитесь, «огромного размера». Кроме того, серьезное, лишенное насмешки и пренебрежения обсуждение важно еще и потому, что подросток довольно часто делает свой запрос «с запасом», так же как называет цену рыночный торговец. Именно для того чтобы можно было поторговаться и уступить. А родители иногда, вместо того чтобы увидеть эту «рыночность» за проса, пугаются непомерности требований и начинают паниковать и запрещать все подряд.

В-третьих, как уже было сказано выше, прекрасно если вы сами и вовремя перережете «связь-резинку».

Как можно раньше дайте нашему подростку столько самостоятельности, сколько он может съесть. Утомительно и занудно советуйтесь с ним по каждому пустяку. (*«Как ты думаешь, какие лучше обои купить? Подешевле и похуже, или получше, но подороже?»*, *«А огурцы какие будем в этом году сажать? Как в прошлом году или попробуем новый сорт?»*). Беззастенчиво впутывайте его в свои проблемы и проблемы семьи. (*«Сегодня мой начальник опять ругался, что клиенты жалуются... А что я могу сделать, если половина из них явно нуждается в помощи психиатра! Как бы ты на моем месте поступила?»*, *«Опять у бабушки почка болит. Что будем делать? Вызвать врача или опять те таблетки купить, что в прошлый раз помогли?»*). Пусть подросток поймет, что вы действительно, не на словах, а на деле, видите в нем равного вам члена семьи.

В-четвертых, обязательно сами делайте то, чего вы хотите добиться от своего сына (или дочки). Звоните домой, если где-то задерживаетесь. Рассказывайте не только о том, куда и с кем вы ходите, но и о содержании вашего времяпрепровождения. Давайте развернутые и по возможности многоплановые характеристики своим друзьям и знакомым. Это позволит вам побольше узнать о друзьях вашего сына (или дочки). Чаще приглашайте к себе гостей. Если у вас, родителей, «открытый дом», вы, скорее всего, будете видеть тех, с кем проводит время ваше чадо. И вовремя сможете принять меры, если что-то пойдет наперекосяк. Рассказывайте о своих чувствах и переживаниях. Возможно, иногда что-то расскажет и ваш ребенок. Делитесь с подростком своими проблемами. Не стесняйтесь попросить у него совета. Вопреки распространенному мнению, иногда подростки очень чувствительны и тактичны в оценке и коррекции именно чужих ситуаций. Кроме того, в этом случае существенно повышается вероятность того, что и со своей проблемой чадо пойдет именно к вам, а не в ближайший подвал.

В-пятых, постарайтесь обнаружить и исправить те ошибки в воспитании, которые вы допускали на предыдущих этапах. Если вы, конечно, не сделали этого раньше. Относительно «обнаружить» проблем обычно не бывает. Потому что именно в подростковом возрасте все допущенные ранее ошибки лезут наружу и зацветают пышным цветом.

По материалам книги Е.В. Мурашовой «Понять ребенка», г.Екатеринбург, «У-Фактория», 2004